

знаніе вводитъ насъ въ міръ явленій, чрезъ дѣятельность мы становимся сознательною частью цѣлаго. Предшествующіе вѣка были замкнуты въ тѣсной сферѣ личныхъ или сословныхъ интересовъ; для насъ общеніе съ человѣчествомъ является насущною потребностью. Знаніе налагаетъ обязанности. Подобно путнику, который возвращается на родину, обогащенный знаніемъ и опытомъ, и старается примѣнить ихъ къ родному краю, — XIX-й вѣкъ обращается съ духовными приобрѣтеніями къ дѣйствительности съ тѣмъ, чтобы лучше ютиться въ ней. Бесплодная наука изсушаетъ; наука, служащая общему благу, питаетъ и обновляетъ. Противоположные взгляды идеализма и реализма сходятся въ области этики.

Вѣка, отличавшіеся отвлеченностью идеаловъ, утратили окружавшій ихъ нѣмбъ; болѣе близкое знакомство съ ними показало извы, скрывавшіеся подъ внѣшнимъ блескомъ; поученія исторіи не прошли даромъ; метафизику замѣнила этика, которая отвернулась отъ умозрѣнія и сошла долу ради изученія хотя бы и некрасивой дѣйствительности. Практическія и гуманитарныя цѣли замѣняютъ отвлеченныя теоріи. Сознаніе общечеловѣческой солидарности порождаетъ новые взгляды на общественныя отношенія: и гуманитарный мистицизмъ Леру въ 40-хъ годахъ, и всѣ крайности и заблужденія социалистическихъ утопій, создаютъ, наконецъ, и новую науку — социологію. Гуманитарный мистицизмъ и современный секуляризмъ пытаются принципомъ человѣческой солидарности замѣнить догматъ. Секуляризмъ провозглашаетъ, что земная жизнь всецѣло должна поглощать человѣка, та жизнь, которая приковываетъ его къ себѣ насущнымъ трудомъ, постоянно новыми приобрѣтеніями, страданіями и жаждой счастья. Этого счастья человѣкъ долженъ искать на основаніи знанія и опыта. XVIII-й вѣкъ, провозглашавшій права человѣка, служилъ отвлеченному понятію; идея человѣчества подавляла понятіе о человѣкѣ; уваженія личности онъ не зналъ; человѣкъ, какъ индивидуумъ, личность, какъ зародышъ социальнаго знанія, выступаетъ со всѣми своими требованіями и правами, со всѣмъ своимъ душевнымъ міромъ, — безъ различія сословій и національностей — только въ XIX-мъ вѣкѣ.

XIX-й вѣкъ стремится не только къ всемірному пониманію, но и къ всемірному сочувствію. Міровая симпатія — вотъ та связь, которая приобщаетъ отдѣльнаго человѣка къ жизни всѣхъ и заставляетъ толпу внимать голосу отдѣльнаго лица, и этотъ голосъ дорогъ ей даже въ своихъ ошибкахъ, лишь бы слышалось въ немъ живое общеніе. Не знали этого общенія прежніе вѣка;